

ОБРАЗ И СПАСЕНИЕ: СОБЫТИЕ ВИЗУАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРИ БЕДСТВИИ ЧУМЫ

К. А. Куксо

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
korsbai@mail.ru

Представлено исследование роли визуальных произведений XIV–XVIII веков, рожденных при распространении чумы или в ее ожидании, для ее свидетелей. Рассмотрение касается и определения экзистенциального и социального вклада специализированных на бедствии религиозных ритуалов. Устойчивые в историко-социальном плане традиционные и возникающие во время конкретной эпидемии ритуальные ответы на распространение чумы выступали важнейшими инструментами обживания катастрофы. В ритуальных практиках свидетели эпидемии получали крайне существенный в условиях бедствия опыт воссоздания упорядоченного бытия-в-мире и разрушенных социальных связей. На уровне реализуемой архитектоники действий ритуалы отстраивали порядок на месте постоянно распадающегося мира и утверждали его устойчивость. Раскрытие адаптивного смысла ритуала для свидетелей катаклизма приводит к вопросу о своеобразном предназначении изобилия фресок, алтарных изображений, икон, картин, рожденных при испытании чумой. На материале эволюции изобразительных выражений культа святого Себастьяна, ставшего одним из заступников от чумы, показывается, как уникальность их выразительных поверхностей способствовала рождению форм чувственного присутствия в мире, избавленном от давления болезни. Вызывая у зрителя мощные потоки ощущений, сила образа выступала ресурсом оживления чувств, не связанных исключительно с обстоятельствами эпидемии. Визуальная риторика произведений тем самым противодействовала угасанию сознания очевидцев чумы, фиксируемому в отчетах об эпидемии. Благодаря экскурсу в иконографию типичных для указанного периода изображений святого Себастьяна показывается, каким образом визуальные произведения несли в себе и возможность гибких вариаций смысла спасения с принципиальным утверждением открытости будущего. В уникальных произведениях развивалась своеобразная техника защиты свидетелей эпидемии. Начиная с XVI века эта тенденция переориентации чувственного присутствия как ответа на масштабное эпидемическое бедствие будет развиваться и посредством архитектурных сооружений.

Ключевые слова: эпидемия, аномия, сознание, угасание сознания, визуальный образ, событие произведения искусства, формы присутствия, перестройка сенсуального опыта

IMAGE AND SALVATION: THE EVENT OF A VISUAL WORK IN THE TIME OF PLAGUES

Kseniya A. Kukso
Herzen University,
Saint Petersburg, Russian Federation
korsbai@mail.ru

The article presents a study of the role of visual works of the 14th–18th centuries created in the time of the spread of the plague or in anticipation of an epidemic for its witnesses. The existential and social contribution of religious rituals specializing on the disaster and aimed at surviving are determined in the article. Historically and socially stable traditional ritual responses to the spread of the plague were the most important tools for those living during it. In ritual practices, the witnesses of the epidemic received significant experience of recreating the ordered being-in-the-world and the destroyed social ties. Thus, rituals specializing on the disaster rebuilt order in the world that was constantly disintegrating and asserted its stability. The problem of the uniqueness of the purpose of the abundant frescoes, altarpieces, icons, paintings created during the plague is comprehended. Based on the material of the evolution of the figurative expressions of the cult of St. Sebastian, who became one of the defenders of the plague, the article shows how the uniqueness of their expressive surfaces contributed to the revival of feelings and the birth of forms of sensory presence in the world freed from the plague's pressure. Evoking powerful streams of sensations in the viewer, the power of the image acts as the resource of reviving feelings that are not exclusively related to the circumstances of the epidemic. The visual rhetoric of the works thereby counteracts the extinction of consciousness fixed by witnesses in the historical reports of the plague. The study of the iconography of the images of St. Sebastian reveals how visual works also allowed flexible variations of the meaning of salvation, including the affirmation of the openness of the future. For instance, unique works developed the technique for protecting witnesses of the epidemic. The forms of presence motivated by the works at their meaning and sensory levels could put an end to life's complete subordination to the epidemic. Starting from the 16th century, this trend of reorientation of sensory presence as a response to a large-scale epidemic disaster was also developed with architectural structures.

Keywords: epidemic, anomie, consciousness, extinction of consciousness, visual image, work of art event, forms of presence, restructuring of sensory experience

DOI 10.23951/2312-7899-2023-4-206-220

Одним из специфических проявлений опыта больших эпидемий в Европе была традиция создания произведений искусства в тех условиях, когда выживание являлось или представлялось в самом неотдаленном будущем первостепенной задачей. Фрески, алтарные изображения, иконы и картины создавались во время катастрофического для социального порядка распространения чумы в XIV веке и периодического возвращения болезни вплоть до XVIII столетия. Так, изобилие видимых образов рождалось во время или в предчувствии обширной эпидемии, выступая наравне с ритуалами, направленными на преодоление бедствия, устойчивым явлением в опыте ее свидетелей. Непреложность их присутствия в обстановке постоянного давления смерти вызывает вопрос о роли данных произведений для сообщества, испытываемого чумой.

Действенность названных образов для свидетелей эпидемии, подтверждаемая их плотным распространением, связана, по-видимому, с одной из константных черт опыта чумы. Так, волны болезни, несущие демографические и институциональные, а в локальных примерах – экономические и религиозные преобразования, в своих наиболее тяжелых выражениях обуславливали истончение и разрушение социальной ткани. Свидетельства различных периодов фиксируют приметы этого явления, описывая прерывание погребальных обрядов, полную апатию к соучастию, кощунственные выражения небрежения законом [Paré 1582; Фукидид 1981, 86–87; Боккаччо 1994, 37–38]. Эта ситуация кризиса социальных институтов на фоне постоянства массовой смертности порождала различные формы регрессии и даже приостановки способностей сознания.

Различные проявления распада привычной социальной среды обуславливали обстоятельство, предельно отягощающее эпидемическую обстановку. При таковых у ее свидетелей разрушалась экзистенциальная структура регулярно возобновляющегося бытия-в-мире, его более или менее предсказуемый характер не подтверждался и оказывался под вопросом. Но возобновляемость бытия-в-мире гарантирует сохранность сознания, опыт его непрерывности. И напротив, когда мир в своих типических чертах прерывается, предельно проблематичным становится выстраивание отношения к заменившей его беспорядочности, тем более что последняя в обстановке чумы включала в себя и знаки неотступной угрозы гибели.

Поэтому неслучайны описания различных проявлений угасания сознания в свидетельствах социальной истории чумы. Так,

ценностное безразличие при распространении болезни устойчиво фиксируется в античных и ренессансных отчетах о чуме. Упоминания о тяжелых душевных расстройствах, немоте и беспамятстве у жителей охваченного болезнью Лондона встречаются в беллетризованной, проведенной на основании исторических материалов и частичных детских воспоминаний реконструкции Великой Лондонской чумы 1665–1666 годов у Даниэля Дефо [Дефо 1997, 89, 95].

Традиционным механизмом выхода из кризисной ситуации, который более всего возвращал опыт упорядоченности бытия-в-мире и восстанавливал его повторяемость, были коллективные ритуалы, направленные на преодоление бедствия. Свиристование чумы, в соответствии с одной из устойчивых вплоть до Нового времени трактовок ее природы как божественной кары за общеколлективную нравственную дефектность, взывало к практикам, связующим сферу Божественного и общество. Следуя этому пониманию, в покаянных процессиях, коллективных молениях, крестных ходах большой коллективный мир показывал осознанность собственной греховности. И составляющие ритуал инструментальные действия, их регламентированные последовательности в ситуации с обширностью аномии восстанавливали порядок. Развертывая четкие последовательности действий, демонстрируя возможность типичных переходов от одного действия к другому и происходящее в них возобновление структуры общности коллектива, ритуалы восстанавливали упорядоченность опыта. Так, показательно, что среди приводимых Ж. Делюмо примеров церемониальных шествий во время чумы присутствует описание включенности в эти ритуалы всего тела города. Религиозные процессии в подавляемом эпидемией 1630 года Милане перемещались «по всем кварталам и с остановками на всех перекрестках», а в не столь отдаленном от столицы провинциальном Бусто крестный ход «проходил по всем улицам города и за его стенами, где находились лачуги больных чумой» [Делюмо 1994, 126]. Тело города должно было быть повсеместно очищено от болезни и подчинено возникающему пространству порядка.

Ритуальный ответ на аномию мог быть представлен и в нетрадиционных формах. Некоторые примеры своеобразного ритуального поведения из социальной истории чумы показывают, что происходящее в только еще утверждающихся ритуалах воссоздание порядка является самоценным ответом на обнаруживаемую эпидемией неопределенность жизни. Так, Дефо описывает, как в связи с увеличением числа зараженных в осажденном в 1665 году чумой Лондоне резко возрос интерес к новым христианским движениям [Дефо

1997, 45]. Данный рост спроса на сакральное объясним не только с содержательной, но и с формальной стороны. Устойчивые последовательности составляющих ритуал действий, необходимость их связности и воспроизводство всех составляющих элементов ритуальных комплексов – практик, слов, объектов, временной и пространственной рамки – воплощают структурированность жизни, утверждают возможность ее предсказуемого характера, что существенно для восстановления структуры проективности сознания. Использование ритуальной практики как одного из ключевых механизмов выведения из кризисной ситуации применял и миланский архиепископ Карло Борромео в инициированной им в 1576–1578 годах системе помощи жертвам чумы. Согласно хронистам, развиваемое им коллективное пение молитв и литаний узниками отрезанных мором домов вызвало всеобщий энтузиазм в густонаселенном Милане [Chiu 2018, 38]. Материалы по ритуальным практикам в связи с вызовом чумы показывают, что в их исполнении свидетели эпидемии воссоздавали упорядоченное бытие-в-мире и общественные связи, что в некоторой мере могло приспособлять их к условиям аномии.

Другой существенный опыт для выживающих в бедствии открывали создаваемые в непосредственной связи с ним произведения искусства. Чума подвигала к рождению богатой традиции визуальных произведений, передающих фундаментальные смыслы спасения и разделенности страдания всякой живой формы даже в самой непроглядности массовой гибели. Сила возникших здесь образов состояла в удивительном претворении смысла именно в живописной поверхности. Так, активно множась при натисках чумного мора или в его предчувствии произведения, обращаясь к определенным религиозным сюжетам, были наделены своеобразной активностью самих художественных форм. Постановка этих форм скрывала в себе действенный заряд, который, по-видимому, оказывался существенным для свидетелей эпидемии.

Характерная же для данной традиции иконография была связана с происходившим во время распространения чумы ростом популярности культа святых, среди которых наиболее почитаемыми стали святые Себастьян и Рох, специализировавшиеся на помощи поверженным болезнью. Широкою популярностью обретает поклонение святому Христофору, усиливается и авторитет культа Девы Марии [Бульст 2000, 162–163, 166–170]. Особая тема агиографий святых Роха и Себастьяна, а именно описание присутствия в их опыте самых жестоких страданий и блага спасения, подпитывала их почитание и размножение их образов во время чумы.

Несмотря на то, что в «Истории лангобардов» Павла Диакона (VIII век) сообщается о проявленной при море апотропейной роли переноса мощей Себастьяна из Рима в Павию (Тицин) и о возведении здесь ему алтаря, вероятно, основой для формирования репутации святого Себастьяна как заступника от чумы выступило повествование о его жизни из «Золотой легенды» Иакова Ворагинского, наиболее авторитетной и с высокой частотой переиздаваемой до конца XV века агиографической суммы [Кувшинская 2017, 17]. Наряду с присутствующим здесь упоминанием о прекращении мора в Павии при возведении алтаря Себастьяну [Иаков 2017, 165] в его агиографии хорошо прослеживаются смысловые мотивы, создающие подходящую репутацию как заступника при обширном бедствии.

Так, в повествовании о святом отмечаются его путь мученичества и поддержка гонимых. Иаков Ворагинский сообщает, что, будучи главой первой когорты императорской армии, Себастьян активно поддерживает преследуемых христиан и определяет претерпеваемые ими мучения как явление истины. Этот же смысл страданий раскрывается и в сюжете казни святого. Согласно агиографии, лучники императора Диоклетиана засыпают Себастьяна «столькими стрелами, что мученик стал подобен ежу» [Иаков 2017, 165]. Но далее говорится, что Себастьян чудесным образом уцелел. Затем в повествовании присутствует сцена его повторной казни путем забивания палками и его посмертного чудесного явления. Кроме того, сюжет о характере казни Себастьяна, а именно о попытке убийства Себастьяна лучниками, послужил основой для его «специализации» на помощи во время чумы, поскольку стрелы как знак страданий этого святого имели длительную традицию ассоциирования с повальным мором. Начиная с «Илиады», масштабные эпидемии могли трактоваться как поражение бесчисленных жертв стрелами разгневанного божества.

Синтезирующим сюжетом агиографии, придающим смысл образу Себастьяна как заступника при чуме, является повествование о его мощной жизненности и несокрушимости смертью. Повествование о казни Себастьяна подытоживает сцена о его чудесном освобождении от уз, применяемых при его смертельных истязаниях, и последующем его приходе с обличениями в императорский дворец. Сюжет о его повторной казни завершается упоминанием его посмертного явления святой Луции. Данной последовательностью умерщвлений и чудесных спасений святого явственно фиксируется возможность совершенно инакового исхода определенного страданием настоящего, идея несокрушимости его жизненных сил

утверждает возможность спасения в совершенно бедственном настоящем. Именно этот смысл обусловил богатую традицию визуальных произведений, изображающих одновременно терзаемого и уцелевшего Себастьяна. В диких условиях жизни опустошаемых чумой местностей именно с ним была связана популярность образа святого: «отныне (с 1348 года. – К.К.) и до XVIII века включительно во всех сельских и городских церквах имелось изображение св. Себастьяна, пронзенного стрелами» [Делюмо 1994, 90].

Несмотря на сложность систематизации обилия связанных с почитанием этого святого визуальных памятников, в данной традиции возможно выделить устойчивые иконографические программы. Так, иконографический тип мучений Себастьяна появляется довольно рано после катастрофической Черной смерти. Его явный пример представлен алтарным триптихом, созданным Джованни дель Бьондо для кафедрального собора Флоренции в последней трети XIV века, в котором колоритно и детализировано передается сцена казни Себастьяна (ил. 1). Уже в этом раннем изображении мученичества святого ясно прослеживается четкость различения изобразительных планов – тех планов, где расположены фигуры палачей и где находится сам святой. Здесь явно представлены разнородные пространства с маркерами своих отличий. Позолоченный фон области пребывания Себастьяна и его развернутость к ангелу маркируют потусторонность святого пространству насилия. Композиция изображения также символизирует вынесенность Себастьяна из сферы причиняемых ему мучений.

Другой устойчивой тенденцией в иконографии Себастьяна является ассоциирование его фигуры с образом Богоматери Милосердия. Присущее этому типу изображений явное повторение композиций фресок и алтарных панелей с Мадонной делла Мизерикордиа и ее атрибут – плащ (порой даже и синего цвета), укрывающий общину города или определенное братство, разрабатывает образ Себастьяна как милосердного защитника всех страждущих и просящего в сфере Божественного о прекращении их мучений. Так, на фреске Беноццо Гаццولي «Святой Себастьян» (1464–1465) в соответствии с ее композицией Себастьян выступает медиумом между молящейся общиной и небесными силами (ил. 2). И одновременность присутствующих здесь изображений молитвенного жеста Себастьяна и ломающихся стрел, выпущенных ангелами в просящих, передает действенность его заступничества при катастрофе чумы.

Ил. 1. Джованни дель Бьондо. Святой Себастьян. Центральная часть триптиха.
Последняя треть XIV в. Флоренция, Museo dell'Opera del Duomo

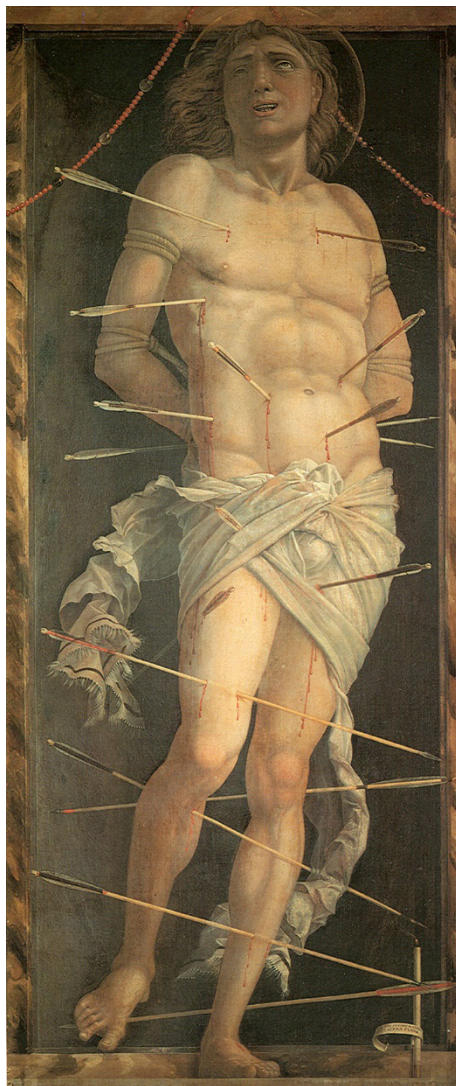
Ил. 2. Беноццо Гоццоли. Святой Себастьян. 1464–1465.
Церковь Бл. Августина в Сан-Джиминьяно

В XV веке возрастает число обособленных сцен мук Себастьяна уже с выраженной человеческой индивидуальностью святого. Образы увеченного Себастьяна, не обращаясь к сцене его убийства, в различных стилистических канонах передают мощь его телесного присутствия и суггестируют реалистичной экспрессией его лица. Даже в изображениях, в которых лицо Себастьяна исполнено трагизма, а тело испещрено орудиями смерти, примеры которых есть у А. Мантеньи, мы встречаемся с атлетичным, сохраняющим целостность телом святого (ил. 3–4).

Ил. 3. Андреа Мантенья. Святой Себастьян. 1456–1459.
Вена, Музей истории искусств

Эта же тенденция проявляется и в групповых изображениях. Так, в алтарном образе «Мученичество святого Себастьяна» Антонио и Пьеро дель Поллайоло (1475) утверждается чудо сохранности телесного облика святого при творящейся на глазах сцене его истязаний (ил. 5).

Ил. 4. Андреа Мантенья. Святой Себастьян. 1490.
Венеция, Са' d'Oro, Галерея Франкетти

Данные типы образов Себастьяна, подверженного смертельному насилию и при этом предстающего в прекрасном телесном облике, придавали смысл несомым чумой страданиям и смертям своим утверждением приобщения к вечной жизни через путь тяжелейших мучений. Также образ несокрушимости Себастьяна обнаруживал, что в каждом гибельном миге присутствует и возможность чуда спасения, его разрешения в абсолютно иное будущее.

Ил. 5. Антонио и Пьеро дель Поллайоло. Мученичество святого Себастьяна. 1475.
Лондон, Национальная галерея

В этой эволюции изображений Себастьяна можно увидеть дидактическое предназначение, призывание к надлежащему, способному прекратить бедствие почитанию святых. Однако богатство применяемых здесь стилистических канонов приводит к выводу, что возникшие в ней изобразительные поверхности выступали для свидетелей чумы важнейшим ресурсом. Уникальные художествен-

ные формы, сила их выразительности вовлекают в себя, захватывают чувственное внимание. Визуальная риторика, совокупность приемов, задающих плотность художественной формы, вызывают рельефный отклик эмоций и впечатлений, которые могут отыгрывать в опыт чувств. Видимые изображения имеют предсмысловой уровень воздействия, порождая события чувственности созерцателя. Непреложно производя ощущения качества и структуры видимого целого, собирающих его форм, игры света и затемнений, созидającego его чередования цветов, присутствующего в нем движения, они возобновляют чувствительность к миру, свободную от уничтожающих проявлений эпидемии. Это крайне важная в экзистенциальном плане процедура. За счет обновленной материи ощущений, которая может затем связываться в чувства, свидетели эпидемии получают ресурс совершенно иного чувственного присутствия в оцепленных массовой гибелью пространствах.

Кроме того, такой прирост ощущений может противодействовать угасанию сознания, которое фиксируется в исторических отчетах у свидетелей катаклизмов и массового уничтожения. Так, феномен сжатия сознания описан не только применительно к свидетелям масштабных пандемий с высоким уровнем смертности, но и для узников лагерей массового уничтожения. Примо Леви характеризует как опустошенную оболочку человека одного из заключенных, замечая утрату им различенности в мире и в качественной специфике располагающих в мире действий: он «до такой степени ко всему безразличен, что даже не делает попытки сберечь на работе силы, уклониться от побоев, разжиться едой» [Леви 2001, 62]. Сила образа противодействует различным формам регрессии сознания. Вызывая в созерцателе потоки ощущений, она выступает потенциалом оживления чувств, не замкнутых исключительно на обстоятельствах всепобедившей смерти, представляя тем самым ресурс для рождения защитной формы чувственного присутствия в мире катастрофы.

Чувственные и эмоциональные паттерны, которые вызывает образ, направляются и несомымы им смыслом. В традиции изображений заступников от чумы передаваемые ими смыслы спасения и невозмутимости блага определяют чувства свидетелей бедствия, насыщая их измерением открытости будущего. Благодаря данному ресурсу свидетели катастрофы приобретают возможность обживания факта вызванных чумой смертей и надежду на завершение эпидемии. Таким образом в визуальных произведениях времен рецидивов чумы отстраивается новое отношение к традиционному

для христианства смыслу спасения: среди бесконечности гибких вариаций его исполнения индивидуальным зрителем теперь может быть и спасение физической жизни. Начиная с XVI века традицию связанных с чумой визуальных произведений пополняют и уникальные архитектурные формы, которые будут развивать данную программу своеобразной защиты свидетелей эпидемии в задаваемых собой формах присутствия, чей чувственный и смысловой уровень способен ориентировать в мире эпидемии, предотвращая подчиненность жизни порядку массовой смерти.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Боккаччо 1994 – *Боккаччо Д.* Декамерон / пер. с ит. А. Н. Веселовского. М.: ННН, 1994.
- Бульст 2000 – *Бульст Н.* Почитание святых во время черной смерти. Социальные и религиозные последствия эпидемии чумы в позднее Средневековье / пер. с нем. Н. Ф. Сокольской // *Одиссей. Человек в истории.* М., 2000. С. 152–185.
- Делюмо 1994 – *Делюмо Ж.* Ужасы на Западе / пер. с фр. Н. Епифанцевой. М.: Голос, 1994.
- Дефо 1997 – *Дефо Д.* Дневник чумного года / пер. с англ. К. Н. Атаровой. М.: Наука; Дадамир, 1997.
- Иаков 2017 – *Иаков Ворагинский.* Золотая легенда / пер. с лат. И. И. Аникьева, И. В. Кувшинской. М.: Пальмира, 2017. Т. 1.
- Кувшинская 2017 – *Кувшинская И. В.* Иаков Ворагинский и его время // *Иаков Ворагинский. Золотая легенда.* М.: Пальмира, 2017. С. 5–23. Т. 1.
- Леви 2001 – *Леви П.* Человек ли это? / пер. с ит. Е. Дмитриевой. М.: Текст: Книжкини, 2001.
- Фукидид 1981 – *Фукидид.* История / пер. с греч. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1981.
- Chiu 2018 – *Chiu R.* Singing on the Street and in the Home in Times of Pestilence: Lessons from the 1576–78 Plague of Milan // *Domestic Devotions in Early Modern Italy* // ed. by M. Corry, M. Faini, A. Meneghin. Leiden, Boston: Brill, 2018.
- Paré 1582 – *Discours d'Ambroise Paré <...> A sçavoir, de la mumie, de la licorne, des venins, et de la peste. Avec une table des plus notables matières contenues esdits discours.* Paris, 1582. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54386b> (accès: 18.03. 2023).

REFERENCES

- Boccaccio, G. (1994). *The Decameron*. Yurayt. (In Russian).
- Bulst, N. (2000). The veneration of saints during the black death. The Social and Religious Consequences of the Plague Epidemic in the Late Middle Ages. Transl. into Russian by N. Sokolskaya. In A. Ya. Gurevich (Ed.), *Odyssey. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History] (pp. 152–185). Institute of General History, RAS. (In Russian).
- Chiu, R. (2018). Singing on the Street and in the Home in Times of Pestilence: Lessons from the 1576–78 Plague of Milan. In M. Corry, M. Faini, M., & Meneghin, A. (Eds.), *Domestic Devotions in Early Modern Italy*. Brill.
- Defoe, D. (1997). *Journal of the plague year*. Nauka. (In Russian).
- Delumeau, J. (1994). *Horrors in the West*. Golos. (In Russian).
- Jacobus. (2017). *Jacobus a Voragine. Legenda Aurea*. Tomus 1. NO Izdatel'stvo Frantsiskantsev. (In Russian).
- Kuvshinskaya, I. V. (2017). Jacobus a Voragine and his time. In Jacobus. *Jacobus a Voragine. Legenda Aurea* (Tomus 1, pp. 5–23). NO Izdatel'stvo Frantsiskantsev. (In Russian).
- Levi, P. (2001). *Se questo è un uomo*. Tekst, zhurnal "Druzhba narodov".
- Paré. (1582). *Discours d'Ambroise Paré <...> A sçavoir, de la mumie, de la licorne, des venins, et de la peste*. Avec une table des plus notables matières contenues esdits discours. Paris. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54386b>
- Thucydides. (1981). *History of the Peloponnesian War*. Nauka. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 21.04.2023

Материал поступил в редакцию после рецензирования 06.09.2023